

Метафора как зеркало общественно-политической ситуации. Анализ метафор, использованных для оценки попытки государственного переворота в СССР в августе 1991 года в газете «Известия»

TATIANA MUKHORTIKOVA, *University of Valencia*
tamuk@alumni.uv.es

Received: May 4, 2015.

Accepted: October 10, 2015.

RESUMEN

El artículo presenta el análisis de la función calificativa de la metáfora, de los esquemas a través de los cuales ella refleja la realidad político social de un país en una determinada situación. Utilizando las afirmaciones teóricas de la lingüística cognitiva, se elabora un esquema del análisis que permite realizar una investigación lingüística de las metáforas, teniendo en cuenta la especificidad del texto periodístico, sus contextos político y social.

Palabras clave: metáfora, lenguaje periodístico, metáfora periodística, metáfora política.

ABSTRACT

The article presents the analysis of the qualifying function of metaphor. With this schemes we can see that it shows the reflect of the social and political reality of a country in a given situation. Using the theoretical claims of cognitive linguistics, we propose the scheme of analysis that allows a linguistic research of metaphor, taking into account the specificity of news text. It has political and social contexts.

Keywords: metaphor, journalistic language, journalistic metaphor, political metaphor.

С древнейших времён метафора привлекала внимание исследователей. Над её ролью в языке задумывались Аристотель, которому и принадлежит авторство данного термина, и Квинтилиан, модифицировавший положения теории Аристотеля. В классической традиции метафора понимается как перенос наименования с одного объекта на другой (Aristóteles 2009: 51), используемый преимущественно для украшения речи. С периода Средневековья до XX века отношение к метафоре как риторической фигуре менялось, от использования данной фигуры в схоластических текстах (Agustín 1969) до пересмотра интерпретации в рамках риторики (Fontanier 1995). Метафора прошла долгий исторический путь, и в двадцатом веке заняла важное место, положив начало новому направлению – когнитивной лингвистике. Интерпретация метафоры как фигуры речи в большей или меньшей степени продолжается до XX века, когда начинается новый этап в изучении этого феномена. Различные области гуманитарных знаний пришли к вопросу о природе, значении и понимании образного языка и столкнулись с необходимостью переосмыслить классическую концепцию метафоры (Negro 2006: 45).

Метафора в когнитивной лингвистике

С момента публикации работы Лакоффа и Джонсона «Метафоры повседневной жизни» (1980) в лингвистике метафора рассматривается как сложное языковое явление, соотносящееся с процессом мышления и действительностью. Одно из важных положений, выдвинутых данными авторами, касается процесса понимания и интерпретации метафоры. Согласно Лакоффу и Джонсону, смысл метафоры не

статичен, её интерпретация зависит от отправителя и получателя сообщения, от коммуникативной ситуации, в которой они находятся, а также от социального опыта участников коммуникационного акта. Авторы предложили идею существования общих для всех языков понятий, концептов, благодаря которым и образуются метафоры (Lakoff у Johnson 1995). Лакофф и Джонсон выделили несколько базовых типов таких метафор. Так как данная статья посвящена метафорам русского языка, в некоторых случаях в качестве иллюстративных примеров будут приведены метафоры, характерные для русского языка.

В основе пространственных метафор лежит наш опыт физический или культурный, перенесённый на представление о пространственной структуре. Авторы выделяют следующие типы пространственных метафор (1980: 51-54): сознательное – верх, бессознательное – низ («впасть в депрессию»); счастье – верх, грусть – низ (в качестве иллюстрации может послужить повседневная метафора русского языка «воспрянуть духом»), жизнь и здоровье – верх, болезнь и смерть – низ (в русском языке для обозначения героической гибели часто используется метафора «пасть смертью храбрых»); контролировать – верх, быть под контролем – низ («ситуация у меня под контролем»); больше – верх, меньше – низ («сбережения уменьшились»); предсказуемые события будущего – наверху и впереди (авторский пример «мне страшно оттого, что может произойти дальше»); высокий социальный статус – верх, низкий – низ («он находится в самом низу социальной иерархии»); хорошее – верх, плохое – низ («работа высокого уровня»); добродетель – верх, порок – низ (применительно к плохому, недостойному поступку в русском языке применяется метафора «низкий поступок»); рациональное – верх, эмоциональное – низ (авторский пример – «он не смог подняться над своими эмоциями»).

Онтологические метафоры основаны на опыте обращения с физическими объектами и отражают ассоциированные с этим опытом идеи. Пример онтологического метафорического концепта: «ум – машина, механизм» («потерять контроль», «голова не работает»). Авторы определяют несколько принципиальных функций таких метафор: обращаться, перечислять, обнаруживать идеи, черты, причины и устанавливать цели и мотивации (1995: 64-65).

В отдельный подтип онтологической метафоры Лакофф и Джонсон выделяют метафоры, связанные с вместилищами. Суть их заключается в проецировании наших собственных ориентиров на другие физические объекты (проецирование категорий «внутри – снаружи» на категории «внешний – внутренний»). Так, выйти из помещения означает покинуть одно пространство и войти в другое (1995: 67). Обычно мы используем два типа онтологических метафор: одни из них основаны на визуальном поле («находиться в поле зрения»), а другие – на действиях, явлениях («участвовать в соревновании») - соревнование выступает здесь в роли объекта-вместилища.

Лакофф и Джонсон также обращают внимание на персонифицированную сторону онтологических метафор, подчёркивают её способность, описывая один и тот же объект, выделить разные его стороны или особенности, в зависимости от личности говорящего, его социального и физического опыта. Таким образом, онтологические метафоры позволяют описать огромное количество явлений, основываясь на нашем субъективном опыте.

Структурирующие метафоры отличаются от перечисленных разновидностей тем, что позволяют использовать уже существующие структурированные концепты, чтобы структурировать другие. Так, метафорический концепт «аргумент – это война» отражает структурированную идею о том, что борьба (война – одна из её разновидностей) – одно из неотъемлемых свойств человеческой природы, которое проявляется и в споре (1992: 102).

Художественные метафоры и метафоры воображения, в отличие предыдущих видов метафоры, не отражают существующие концепты, а предлагают новый оригинальный способ понимания явлений, основанный на нашем опыте, то есть, формируют новый концепт. Данные метафоры обычно подчёркивают какую-либо сторону рассматриваемого объекта, оттеняя при этом другие. Главным отличием данных метафор является то, что они основаны на опыте конкретного человека, а не на каком-либо общем опыте. Именно эти метафоры, по мнению авторов, ярко демонстрируют способность рассматриваемой фигуры создавать свою собственную «реальность» (1995: 186).

Один из важнейших тезисов работы Лакоффа и Джонсона состоит в признании метафоры элементом структурирования, описания, познания окружающей нас действительности, так как основная часть этой действительности понимается в метафорических терминах. А положение о контекстуальной интерпретации метафоры позволяет предположить, что в определённых условиях понимание метафорического выражения зависит и от политического и социального контекстов.

В 1998 году Фоконье и Тернер модифицировали подход к изучению метафоры в рамках когнитивной лингвистики. В отличие от Лакоффа и Джонсона, они предлагают сосредоточиться на изучении процесса образования отдельных метафор, а не на поисках общего. В основе метафоры лежит, по их мнению, фундаментальная ментальная операция, концептуальная интеграция, возможная благодаря существованию в человеческом мышлении так называемых ментальных полей, то есть, индивидуальных структур, возникающих в нашем сознании в процессе каждого размышления или разговора (Fauconnier у Turner 1998: 6). В своей теории Фоконье и Тернер резюмируют процесс работы мышления тремя «I»: *identification* («идентификация»), *integration* («интеграция») и *imagination* («воображение») (Fauconnier у Turner 2002: 6-7).

Схема формирования любого высказывания (в частности, метафоры) выглядит следующим образом: в тот момент, когда мы думаем о каком-либо явлении или событии, в нашем сознании появляются ментальные поля, структурирующие ситуацию или объект размышления, помогая его пониманию (интерпретации). Ментальные поля, в числе прочего, сообщают важные характеристики объекта описания: время, пространство, место, в котором происходит действие или расположен объект (Fauconnier у Turner 1998: 6; 2002: 40).

В процессе формирования метафоры, по Фоконье и Тернеру, участвуют четыре ментальных поля, два из которых отражают объекты, на основе взаимодействия которых и возникает метафора (так называемые входящие пространства), общее пространство, включающее общие характеристики объектов или другие возможные пересечения (пространственные, временные и т.д.), на основе которых и возникает метафора, и блэнд или созданное пространство, то есть, сам результат взаимодействия – метафора.

Взаимодействие ментальных полей происходит благодаря особым коннекторам и подчиняется принципу идентификации. Данный принцип гласит: если два объекта, А и В, связаны прагматической функцией $F(B) = F(A)$, то описание объекта А может быть использовано для идентификации объекта В (Fauconnier 2003: 3).

Фоконье и Тернер выделяют два вида концептуальной интеграции: однополярная (*single-scope integration*) и многополярная (*multi-scope integration*), самой важной и распространённой разновидностью которой является двойная интеграция (*double-scope integration*). Более того, само существование последней, по мнению авторов, послужило причиной и стимулом развития человеческой цивилизации, культуры, религии и языка (2002: 186).

На процесс понимания и интерпретации метафоры обычно влияет общее пространство (пространство пересечения общих характеристик объектов входящих пространств). Именно это поле отражает контекст и указывает путь к интерпретации метафорического высказывания или же любого другого высказывания. Так, фраза "*If Clinton were Titanic, the iceberg would sink*" (Fauconnier у Turner, 2003: 470) отсылает к знаменитому скандалу с участием стажёрки Белого дома и располагает двумя входящими пространствами: Клинтон и «Титаник» (два объекта сравнения). Пространство «Титаник» содержит намёк на одноимённый фильм, вышедший на экраны примерно в тот же период. Цепочка аналогии выглядит так: президент Клинтон сравнивается с кораблём «Титаник», а произошедший скандал – с айсбергом (препятствие, на которое натолкнулся корабль), в общем пространстве отражаются сходства положений (корабль, оказавшийся в сложной, критической ситуации, и президент Клинтон, с успехом преодолевший угрожавший его карьере скандал).

Восприятие, интерпретация и степень воздействия метафоры зависят, по мнению авторов, от соблюдения и правильного использования так называемых оптимальных или базовых принципов (*optimally principles*), действующих в бленде или созданном пространствах (2002: 325-336). В первую очередь, речь идёт об интенсификации жизненных отношений (*Intensifying Vital Relations*), то есть, понимании и проецировании одной концептуальной связи на другую. Второй принцип состоит в максимизации жизненных отношений (*Maximizing Vital Relations*), подразумевающей усиленное действие в рамках созданного пространства (бленда) исходных отношений. Третий принцип авторы назвали интеграцией (*Integration*), этот принцип резюмируется в стремлении к самоорганизации созданного пространства (бленда) и объединении разрозненных элементов в единое целое. Следующий принцип Фоконье и Тернер определяют как принцип Сети (*Web*); он представляет собой сохранение связей входящих пространств и общего пространства в рамках созданного пространства (бленда). Принцип декодирования (*Unpacking*) состоит в том, что созданное пространство (бленд) должно содержать в себе знаки, позволяющие восстановить всю структурирующую цепочку, расшифровать в рамках целого входящие пространства и общее пространство. Топологический принцип (*Topology*) означает, что при создании бленда на основе базовых пространств необходимо, чтобы значимые внутренние связи, присущие базовым пространствам, равно как и связи между ними, нашли свое отражение во внутренних связях элементов в бленде. Элементы всех участвующих пространств также должны соотноситься с другими элементами в рамках своих

пространств. Наконец, принцип релевантности (*Relevance*) гласит: каждый элемент в созданном пространстве (бленде) должен иметь определённое значение в рамках общей структуры участвующих пространств и функционировать как соединяющее звено.

При соблюдении этих базовых принципов в созданном пространстве (бленде) выражаются характеристики, эмоции, проектированные мировоззрения из входящих пространств. Фоконье и Тернер также исследуют случаи формирования так называемых базовых метафор, перекликающихся с концептуальными метафорами Лакоффа и Джонсона и обладающих более сложной структурой формирования. В качестве примера автора приводят метафору английского языка “*anger is heat*” и выделяют в ней не два, а три входящих пространства: физические явления (точка кипения), эмоции (высшая степень эмоциональности) и физиология (потеря физического контроля) (2003: 474). Модифицировав положения Лакоффа и Джонсона и спроецировав когнитивную теорию на конкретные примеры образования метафор, авторы осуществили важный шаг в развитии когнитивной теории метафоры.

Положения когнитивной лингвистики положили начало практическим исследованиям данной фигуры в различных видах дискурса. Само понятие «метафора» прочно вошло в нашу повседневную жизнь, включая сферу средств массовой информации. Развивая идею о социальном контексте метафоры, выдвинутую Лакоффом и Джонсоном, применительно к журналистике Вильянуэва заключает, что она представляет собой коммуникативный феномен, вплетённый в ткань дискурса. В свою очередь, соотношение факторов лингвистических и социокультурных гарантирует социальное понимание текстов (Villanueva 1994: 279-280). Многие исследователи подчёркивают также оценочную функцию метафоры в журналистике. Так, по мнению Солганика, тексты журналистского дискурса часто нуждаются не только в номинации явлений или личностей, но и в их оценке (2012: 20). Прекрасным проводником такой оценки служит метафора.

Социально-политическая метафора в журналистских текстах

Метафора – одна из наиболее часто используемых на страницах периодических изданий стилистических фигур. В 1990 году Бессарабова подчёркнула органичность и естественность присутствия метафоры в журналистских материалах (1990: 30). Существует в журналистских текстах тенденция сжатия, попытка объединить разные значения в одно общее, так как максимальное сжатие позволяет как лучше усвоить информацию, так и эффективнее её использовать (López García 1996: 52), и метафора отражает эту тенденцию.

Важным моментом является степень выразительности и эмоциональности выбранной журналистом метафоры. Почти все метафоры, используемые в современных журналистских текстах с целью оценки событий, носят ярко выраженный экспрессивный характер. Как подчёркивают разные исследователи, метафора способна передать эмоциональную оценку ситуации. Так, Копылова, анализируя использование оценочных метафор в российской спортивной прессе, приходит к выводу о способности метафоры не просто передать оценку, но и придать образу эмоционально-

экспрессивный характер (2013: 2). Эрнандес по результатам исследования прессы Венесуэлы заключает: метафоры обладают способностью создавать свою собственную реальность, передавая не только образы людей или явлений, но и те эмоции, которые стоят за данным образом (Hernández 2004: 57).

Проведённый библиографический анализ позволяет выделить две важные тенденции в вопросе теории социально-политической метафоры в языке СМИ: её социальность и связь с современностью (временем, когда была написана статья). Валгина, исследуя современный русский язык, приходит к выводу о том, что одной из черт современного журналистского языка является высокая степень метафоризации. Кроме того, «метафора языка современной массовой печати социальна, это скорее способ мышления, способ восприятия мира, а не только приём изображения. Такая метафора способна вскрыть общественно-политические и идеологические изменения в обществе, и, одновременно, обнаружить их влияние на семантические процессы в лексике» (2003: 95). Метафора – одно из наиболее используемых на страницах газет стилистических средств оценки.

Валгина предлагает гипотезу о том, что метафоры не просто отражают критическую для общества ситуацию, но и способны указать возможные пути решения проблемы (2003: 134). Аналогичного взгляда придерживается Баранов. Исследуя журналистские метафоры времён Перестройки и экономического кризиса 1998 года, он устанавливает интересную закономерность: метафоры появляются в журналистских текстах за некоторое время до проблематичной ситуации, то есть, общество в некотором роде предвидит сложности (2003: 138).

Не существует лучшего способа объяснить появление политической или социальной метафоры, чем отсылка к историческому моменту её появления. Как подчёркивает Нахимова, исследование истории и теории политической метафоры приводит к мысли о существовании в этой сфере двух противоположных тенденций. С одной стороны, стабильное использование некоторых метафор на протяжении веков (2010: 118). С другой стороны, существует тенденция, состоящая в появлении новых метафорических образов. Один из самых показательных примеров – использование метафор-прецедентов в журналистских текстах. Например, одна из характерных черт современных СМИ России – ироничное использование некоторых антропонимов-прецедентов советской эпохи (2010: 120).

Анализ метафорического представления попытки государственного переворота на страницах газеты «Известия»: демократия, общество, государство

На основе положений когнитивной лингвистики для анализа оценочной метафоры была использована следующая схема: сначала даётся оценка событию, затем происходит перемещение в соответствующую концептуальную сферу, выбор соответствующих характеристик, ассоциированных событий или действий. Теруэль выделяет некоторые концептуальные сферы, используемые в испанских журналистских текстах (Teruel Planas 1997: 250-253). Учитывая специфику данного исследования (речь идёт о российских журналистских текстах), предлагается оптимизировать количество данных сфер: человек, власть и государство, природные явления, мир растений, мир животных,

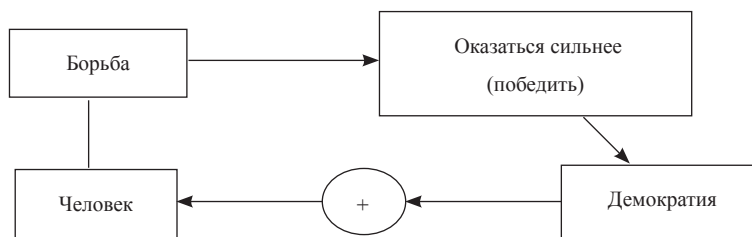
механический мир. Сам термин «концептуальная сфера» предлагается использовать в значении «семантическое поле, в которое перемещается путём аналогии или сходства оценка человека, события и т.д.».

Гипотеза исследования: метафоры, использованные для оценки сложного и значимого социально-политического события, носят ярко-выраженный оценочный характер и позволяют структурировать стороны конфликта, давая оценку всем его участникам.

Выбор для анализа газеты «Известия» не случаен. Издание начинает свою историю в 1917 году в качестве официального печатного органа Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, и является одной из старейших газет России. Исследователи журналистики отмечают важную роль, которую сыграла эта газета в событиях октября 1917 года и гражданской войны 1917-1922 гг., в социалистических движениях (Овсепян 2005: 15, 28). В ходе описываемых событий газета сыграла не последнюю роль, осмеливаясь в открытую выступать против «заговорщиков».

Проведённый анализ позволяет выделить несколько тенденций. В первую очередь, большое присутствие метафор, описывающих демократию. Вторая группа состоит из метафор, представляющих общество, страну и народ. Наконец, третья группа метафор отражает государство и его деятельность.

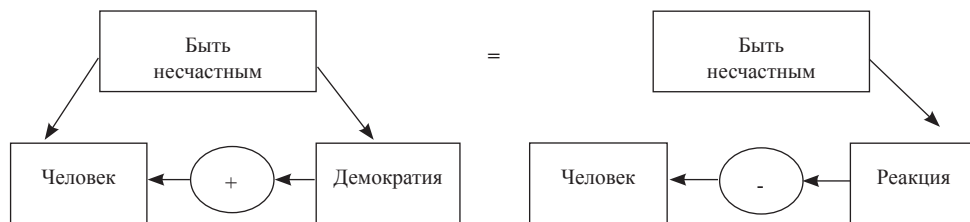
В анализируемых текстах можно отметить наличие глубокого конфликта между демократией и предыдущим режимом. Надежда на позитивные изменения дала почву для появления метафор, в которых демократия предстаёт в облики человека. Силы, противостоящие демократии, названы «реакцией». В метафорах данного типа демократия борется с реакцией и, в конце концов, побеждает.

Пр.1. Демократия оказалась более сильной, чем её противники («Известия», 22 августа).

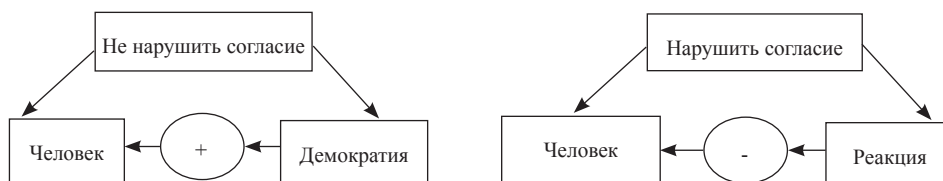
Характеристика, данная демократии в данном конфликте положительна, перенос осуществляется в концептуальную сферу «Человек». Среди многочисленных характеристик человека выбирается «борьба» как самое значительное в данной ситуации. А в любой борьбе одна из сторон «оказывается сильнее» и побеждает.

В следующем примере (2) характеристики, данные демократии и реакции различаются, в то время как результат метафорической цепочки совпадает: и демократия, и реакция недовольны. Статья, из которой взята данная метафора («Запомним всех, обдумаем всё»), представляет собой попытку анализа произошедшего. Автор выявляет причины конфликта последовательно на протяжении всего периода Перестройки.

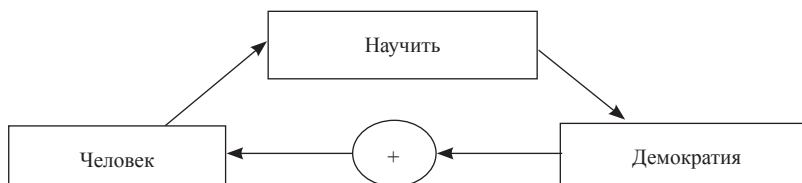
Пр.2. Демократия и реакция, находясь по разные стороны от центра, *недовольны* по-разному...
(«Известия», 22 августа).

Пример 3 также указывает на контраст между демократией и реакцией. Перенос осуществляется в концептуальную сферу «Человек», но, в отличие от предыдущего примера, две стороны конфликта не просто оценены противоположно, но и видимый результат метафорической цепочки различен: в первом случае появляется отрицательная частица «не», Этот пример примечателен также использованием другой фигуры, метонимии: вместо термина «Перестройка» использовано «согласие».

Пр. 3. Не демократия нарушила шестилетнее согласие, его нарушила реакция («Известия», 22 августа).

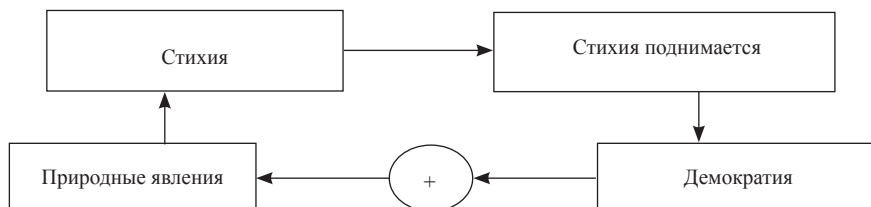
Демократия в проанализированных текстах часто обладает интеллектом, высокими умственными способностями, которые позволяют идентифицировать её как человека умного и житейски мудрого, как показывает следующий пример.

Пр.4. Демократия научила народ не молчать («Известия», 22 августа).

Оценка, данная демократии, положительна, перенос осуществляется в сферу «Человек»; демократии приписывается способность обучать, научить чему-либо, передать знания. Это помимо человеческих черт придаёт ей и мифологические свойства, так как способностью научить чему-либо целый народ обладают обычно мифологические существа, боги и герои в греко-римской традиции. Стоит также отметить, что подобные метафоры типичны для русского языка.

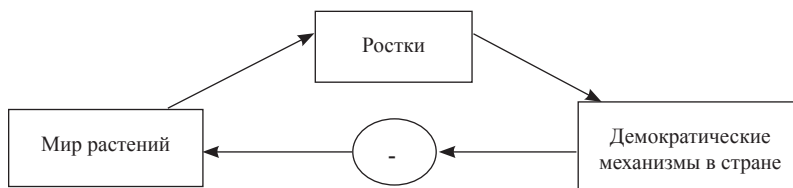

Пр.5. ...против ... мятежа... *поднялась стихия демократии* («Известия», 22 августа).

Прекрасный пример, отсылающий к сфере природных явлений, характеризует демократию как неконтролируемую природную силу, стихию, неподконтрольную человеку. Данная метафора также отсылает к одной из распространённых повседневных метафор русского языка «поднялась буря/гроза», используемой в значении «начинаются большие перемены» в положительном или отрицательном смысле. Наличие данных метафор, содержащих конфликт между демократией и реакцией, объясняется не только ситуацией и событиями момента описания, но и событиями нескольких предыдущих лет.

Другой способ метафорического отображения демократии связан с миром растений, в частности, ассоциацией с растением, которое всходит, укореняется и растёт. И хотя данная ассоциация положительна, следующий пример сигнализирует также об опасностях, подстерегающих её на этом пути.

Пр.6. Ведь переворот стал возможным именно потому, что его вдохновители и исполнители были уверены, стоит им цыкнуть..., и от перестройки, от демократии... ничего не останется... Они имели право так думать, ибо слишком тонки и хрупки ещё *ростки демократии* и гласности («Известия», 23 августа).

Автор подчёркивает, что эти ростки ещё слишком хрупки и незначительны и устанавливает параллель между хрупкостью растения и уровнем демократии в стране в момент попытки государственного переворота. Этот уровень, по его мнению, и подтолкнул участников к попытке переворота.

В следующем примере (7) при идентичном переносе в концептуальную сферу «Мир растений» оценка, данная демократии – положительная, а в качестве способности, действия выбрано выраженное глаголом «укорениться».

Пр.7. Всё-таки *укоренилась демократия* во вчера ещё тоталитарной державе («Известия», 23 августа).

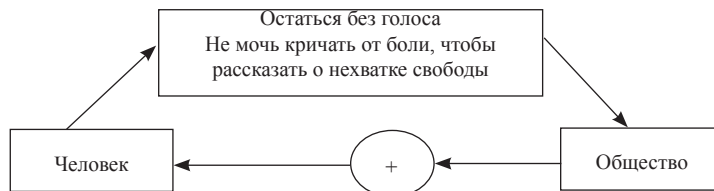
Вторая крупная группа метафор, встречающихся в проанализированных текстах - метафоры страны, общества, народа. Все они отражают общую идею – общественное движение против государства. Анализ выявленных метафор показывает: они используются с высокой долей сопереживания.

Пр.8. Понять это сейчас необычайно важно..., чтобы раз и навсегда исчезли всё ещё блуждающие в чьих-то головах иллюзии насчёт того, что в этой *усталой, измученной, многострадальной стране* по сей день можно властвовать, навязав себя народу в качестве благодетеля.... («Известия», 22 августа).

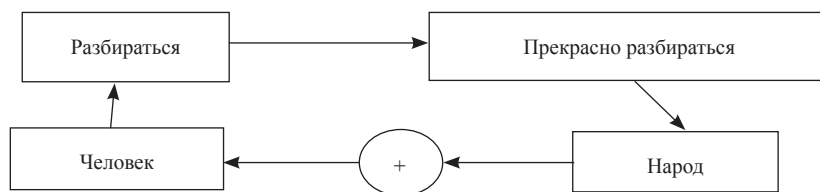
В данном примере оценка, данная стране, положительна, переход осуществляется в сферу «Человек», из возможных характеристик выбираются те, которые указывают на страдание. Они выражены прилагательными «усталый», «измученный», «многострадальный». Страна и народ предстают как положительные герои, желающие демократии, выступающие против тех, кто заставляет их страдать.

В номере «Известий» от 22 августа встречаем статью «Государство осталось без правовой поддержки перед заговором», где государственные институты обвиняются в отсутствии чёткой позиции по поводу происходящего. В частности, автор вспоминает, как в первые часы переворота специальным указом были закрыты большинство газет. Был нарушен Закон о печати; это дало автору повод в иронической форме заметить, что нужно «принять закон о защите Закона о печати», чтобы обеспечить общество возможностью знать о происходящем.

Пр.9. Стоило сохранить на телевидении «своего человека», а неудобные газеты прикрыть - и *общество осталось без голоса, оно не могло даже кричать от боли* («Известия», 22 августа).

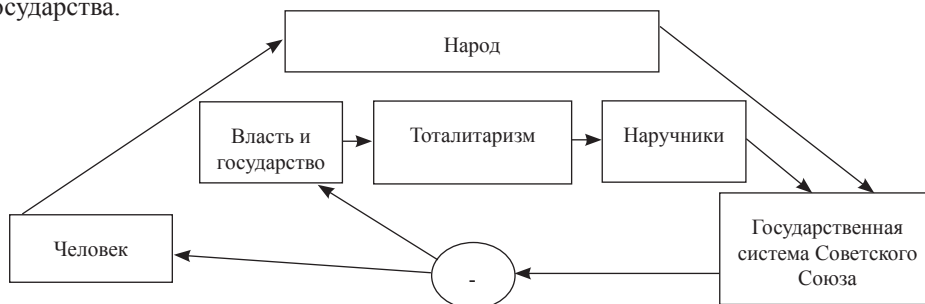
Выбранные характеристики выражены глаголами «остаться» (речь идёт о фразеологизированном сказуемом «остаться без голоса»), «мочь» в отрицании и «кричать» с обстоятельством причины «от боли». Выражение «остаться без голоса» передаёт несогласие, так как голос является природной, свободной формой коммуникации. В свою очередь, выражение «кричать от боли» имеет более эмоциональное значение: мы кричим в пограничных ситуациях, когда не остаётся другой возможности решить проблемы, с большой долей эмоциональности.

Пр. 10. События этих дней доказали, что *народ прекрасно разбирается* в политике и в политических лидерах (*Известия*, 22 agosto).

Народ появляется в анализируемых текстах в качестве человека, сильного и умного, которым сложно манипулировать. В иллюстрирующем примере (10) народу дана положительная оценка, перенос осуществляется в сферу «Человек», а среди действий, на которые человек потенциально способен, выбирается выраженное глаголом «разбираться», кроме того, добавлена характеристика степенью владения этой способностью – «прекрасно».

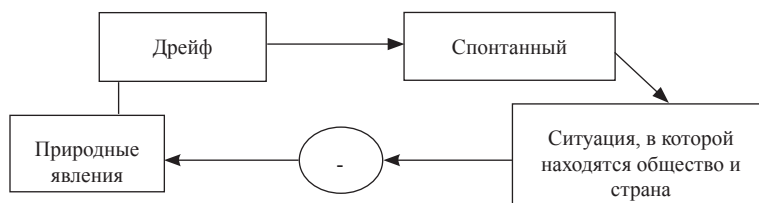
Привлекает внимание метафора, использованная в заголовке. Данная статья рассказывает о курьёзном случае, произошедшем в дни государственного переворота. Псковская фабрика автоматических телефонных станций получила заказ из Москвы на изготовление 250.000 наручников, но фабрика не имела разрешения Министерства Внутренних дел на такое производство, а потому не согласилась. Этот случай позволяет автору текста заметить: «Все, кто мог, даже те, кто не имел на то формального права, пытались хоть что-то сделать. Это вселяет надежду на то, что, если наручники и были изготовлены, надеть их было бы не так просто». Хотя в статье действительно идёт речь о наручниках, и заголовок, и сам материал понимаются как метафора тоталитарного государства.

Пр.11. *Наручники для народа* («Известия», 22 августа).

Оценка системы отрицательная, перенос осуществляется в две концептуальные сферы: «Человек» и «Власть и государство». Первая линия метафорического переноса конкретизируется в существительном «народ», вторая отсылает к социальной структуре, организации государственной системы страны и конкретизируется в существительном «тоталитаризм», идею которого путём аналогии отражает существительное «наручники».

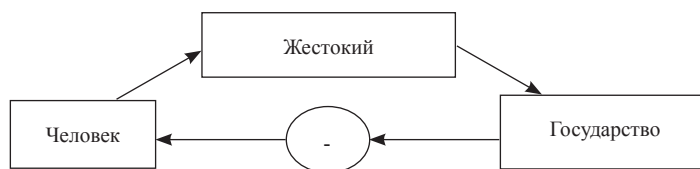
Историческая ситуация оценивается посредством компонентов-медиаторов, отражающих событие. В примере 12 такими компонентами являются «страна» и «общество», которые сравниваются с природным явлением, неконтролируемым водным потоком.

Пр. 12. Овладеть ситуацией – значит приостановить, прекратить *стихийный дрейф нашей страны, нашего общества*. А он продолжается... («Известия», 23 августа).

Оценка ситуации отрицательна, перенос осуществляется в сферу «Природные явления». Из всего разнообразия природных явлений выбрано одно из самых опасных для человека и животных, выраженное существительным «дрейф», так как противостоять спонтанному движению воды практически невозможно. Происходящие события настолько важны, а будущее так неопределенно и непредсказуемо, что именно эта характеристика добавляется к метафорическому образу – прилагательное «стихийный».

Метафоры, отражающие понятия «власть», «государство» также часто появляются на страницах газеты. В метафорическом контексте государство предстаёт врагом демократии, силой, противопоставленной свободе. Государство представляется под знаком тоталитарной системы, а оценка его деятельности отрицательна.

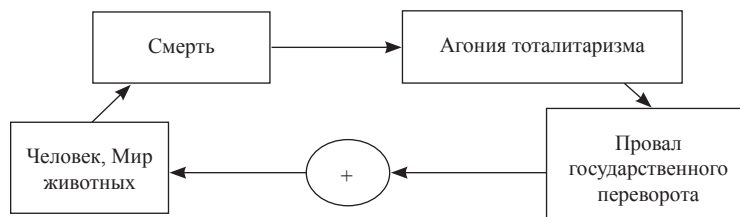

Пр.13. Всё ещё *жестокое* к своим подданным *государство* («Известия», 22 августа).

Оценка, данная государству отрицательна, перенос осуществляется в концептуальную сферу «Человек», черта характера человека выражена посредством прилагательного «жестокий». В этом случае государство ассоциируется с жестоким правителем, тираном, сближаются образы государства и тоталитаризма.

Провал попытки переворота расценивается как крах тоталитарной системы

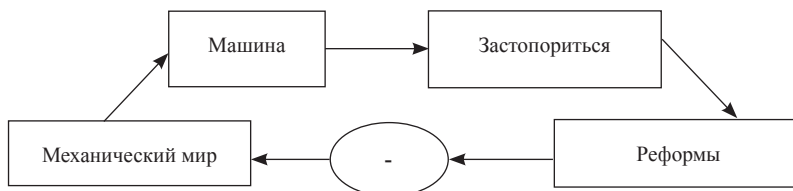
и получает положительную оценку. Так, в статье «Слово при разборке баррикад» встречаем следующую оценку ситуации.

Пр.14. Страшно подумать, что было бы, если бы восторжествовала эта хунта, символизирующая *агонию тоталитаризма* («Известия», 22 августа).

Метафорическая цепочка выглядит следующим образом: перенос осуществляется в сферу «Человек», хотя в известной степени мы можем интерпретировать его и как перенос в сферу «Мир животных», из присущих явлений выбирается «смерть», представленная через существительное «агония». Организаторы переворота ассоциируются с тоталитарным государством: государство и тоталитаризм интерпретируются как синонимы, отображая одну из важных особенностей проанализированных текстов. В свою очередь, крах переворота расценивается как «агония тоталитаризма», то есть, метафора предрекает смерть тоталитарного режима в ближайшем будущем.

В статье «В августе 91-го. Политический дневник» («Известия», 22 августа) государственный переворот расценивается как важное следствие проводимых в Перестройку реформ. Анализируя предыдущие десятилетия, автор приходит к выводу, что система сама создала невозможные условия для своего существования.

Пр.15. Бесспорно: *многие из начатых Горбачёвым реформ застопорились* на полпути («Известия», 22 августа).

Размышляя о причинах конфликта между обществом и государством, о том, что именно привело к перевороту, автор приходит к выводу, что всё было спровоцировано реформами Перестройки. Реформы предстают в виде машины, механизма, в котором произошёл сбой, и работа нарушена. Перенос осуществляется в сферу «Механический мир», в подсферу «Машины», действие выражено глаголом «застопориться». Из приведённых примеров видно, что оценка государства и его действий отрицательна. Государство предстаёт как сила, противопоставленная демократии, народу и обществу, другая сторона конфликта.

Заключение

Проведённый анализ подтверждает первоначальную гипотезу и позволяет выделить две особенности метафорического представления попытки государственного переворота. Прежде всего, речь идёт о представлении демократии. Демократия появляется в метафорических образах человека, живого организма или же природного явления. В большинстве проанализированных метафор она предстаёт в образе человека, разумного существа. Причина данного феномена кроется в исторической ситуации: в обществе чувствовалось приближение перемен, и новый государственный режим виделся лучше, чем предыдущий. Демократия предстаёт как альтернатива форме правления предыдущих десятилетий, что объясняет её положительную оценку в большинстве рассмотренных примеров. Общественное настроение отражает также представление демократии как «стихии», неподконтрольной человеку, в одной из метафор.

В свою очередь, социально-политическая картина в стране, её оценка на страницах газеты «Известия» выражена в противопоставлении метафорических образов «народ» и «государство». Понятия «общество», «страна» и «народ» используются в данных текстах как синонимы и противопоставлены понятию «государство». Страна и народ предстают как положительные герои, желающие демократии, выступающие против тех, кто заставляет их страдать. Государство, как в образе структуры власти, так и предыдущих правителей, предстаёт как жестокая сила, которая борется против общества и демократии.

REFERENCES

- Agustín (1969). *Obras de San Agustín*. Madrid: Editorial Católica.
- Aristóteles (2007). *El arte de la retórica* [e-libro]. Buenos Aires: Eudeba.
- Fauconnier, G. (2003). *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language*. Cambridge: University Press.
- Fauconnier, G. y Turner, M. (1998). Conceptual Integration Networks, *Cognitive Science*, 22 (2), 133-187.
- Fauconnier, G. y Turner, M. (2002). *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York: Basic Books.
- Fontanier, P. (1995). *Les figures du discours*. Paris: Flammarion.
- Hernández, M. L. (2004). La metáfora política en la prensa venezolana. Un estudio lingüístico cognitivo, *Opción*, 20 (44), 55-77.
- Herrero, R. (2006). *La metáfora: revisión histórica y descripción lingüística*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Lakoff, G. y Johnson, M. (1995). *Metáforas de la vida cotidiana*. Madrid: Cátedra.
- López García, Á. (1996). *Escritura e información: la estructura del lenguaje periodístico*. Madrid: Cátedra.
- Teruel Planas, E. (1997). *Retòrica, informació i metáfora: anàlisi aplicada als mitjans de comunicació de massa*. Barcelona: Universitat Autònoma de Barcelona.

- Villanueva, M. L. (1994). *Metáfora y discurso periodístico. Análisis contrastivo de crónicas y reportajes en periódicos franceses y españoles*. In: Meseguer, L. (ed.), *Metàfora i creativitat*. Castelló de la Plana: Universitat Jaume I, 277-292.
- Баранов, А.Н. (2003). Политическая метафористика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга. In: Володина М.Н. (ed.), *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования*. Москва: Издательство МГУ, 134-140.
- Бессарабова, Н.Д. (1990). Метафора и образность газетно-публицистической речи. In: Солганик Г.Я. (ed.), *Поэтика публицистики*. Москва: Издательство Московского университета, 21-34.
- Валгина, Н.С. (2003). *Активные процессы в современном русском языке*. Москва: Логос.
- Известия* (1991). 22-23 августа.
- Копылова, Ю.В. (2013). Газетная метафора как приём выражения социальной оценки в спортивных материалах российской прессы, *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение*, 2 (121), 75-79.
- Лакофф Дж., Джонсон М. (2004). *Метафоры, которыми мы живём*. Москва: Едиториал УРСС.
- Нахимова, Е.А. (2010). Историческая динамика метафорической активности прецедентных имён собственных в политической коммуникации, *Политическая лингвистика*, 4 (34), 188-124.
- Овсепян, Р.П. (2005). *История новейшей отечественной журналистики: февраль 1917- начало XXI в.* Москва: Издательство Московского университета, Наука.
- Солганик, Г.Я. (2012). Введение. In: Солганик Г.Я. (ed.), *Язык СМИ и политика*. Москва: Издательство Московского Университета, 8-26.